

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР им. Е.И. КРУПНОВА

**ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
И КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

**XXVI «Крупновские чтения»
по археологии Северного Кавказа**

Магас. 26-30 апреля 2010 года

**Тезисы докладов
Международной научной конференции**

Магас – 2010

УДК 902/904
ББК 63.4+237.7
П78

Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010.

Редакционный совет: д.и.н. Багаев М.Х.
д.и.н. Гаджиев М.С.
д.и.н. Мужухоев М.Б. (отв. ред.)

П78 Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Тезисы докладов Международной научной конференции) – Магас: ООО «Пилигрим», 2010 г. – 392 с.

УДК 902/904
ББК 63.4+237.7

Сборник составлен по материалам, представленным к международной конференции, посвященной светлой памяти Евгения Игнатьевича Крупнова, выдающегося русского археолога и кавказоведа, одного из основателей российской археологической школы на Северном Кавказе.

В оформлении обложки использованы фотографии:

– лицевая сторона обложки – бронзовый орел-водолей из святилища Эрзи (горная Ингушетия). Авторы фото – Д.В. Белецкий, Л.Д. Мазур;
– обратная сторона обложки – разновременные археологические находки с территории Республики Ингушетия и скульптуры с фасадов храма Тхаба-Ердэ (Ингушетия). Авторы фото – Д.В. Белецкий, Л.Д. Мазур.

© Археологический центр
им. Е.И. Крупнова. 2010
© Авторы тезисов. 2010.

Литература

1. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Мокрая балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.
2. Ковалевская В.Б., 1995. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы.
3. История и культура. Alanica - III. Владикавказ.
4. Комар А.В., 2006. Перешепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.
5. Комар А.В., Кубышев А.П., Орлов Р.С., 2006. Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.

Бабенко Л.И.
(г. Харьков)

О некоторых биметаллических мечах скифского времени с территории Кавказа

Биметаллические мечи, состоящие из бронзовой рамчатой рукояти и железного клинка с черенком, являются древнейшими образцами клинкового оружия скифского времени. В настоящее время выделено несколько ареалов распространения этого вида вооружения, одним из которых является Кубано-Кавказский регион [Ворошилов, 2006], представленный наиболее ранними экземплярами, и, соответственно, рассматривающийся в качестве исходной территории распространения биметаллических мечей. К настоящему времени насчитывается по меньшей мере 8 мечей - целых экземпляров и обломков, как случайных находок, так и предметов из комплексов: Кумбулта (2 экз.), Фаскау, Степной, Тли, Бужор (Анапа), Псекупс, Богучары.

Обломок одного биметаллического меча был введен в научный оборот Е.И. Крупновым, поместившем его фотографию в фундаментальной монографии, посвященной древней истории Северного Кавказа [Крупнов 1960, табл. XXX, 3]. Это меч, происходящий из могильника Фаскау близ с. Галиат, от которого полностью сохранилось лишь бронзовое перекрестье сердцевидной формы. От рукояти, примыкающей к перекрестью, остались часть (примерно 1/3) железного черенка, сломанного наискосок, а также фрагмент бронзового стержня, примыкающего к железному черенку с одной стороны и сломанного на одном с ним уровне. Бронзовый стержень, примыкавший к черенку с другой стороны, отсутствует полностью. Клинок меча сломан у самого перекрестья.

Задолго до этого П.С. Уваровой в материалах по археологии Кавказа были опубликованы обломки верхних частей рукоятей двух биметаллических мечей из Кумбулты [Уварова, 1900, табл. ХСV, 3, 4]. Один фрагмент состоял из навершия брусковидной, близкой к грибовидной, формы, а также короткой части рукояти, состоявшей из железного черенка, обрамленного с обеих сторон бронзовыми стержнями. Фрагмент второго меча представлен более

полно. Он имел аналогичной формы навершие и сохранившуюся на 2/3 рукоять, у которой железный черенок сломан наискосок, бронзовый стержень с одной стороны сломан на уровне железного черенка, с другой – сохранился на всю длину, значительно превышая остатки железного черешка.

Впоследствии, А.И. Тереножкин при подготовке специального исследования по киммерийским мечам и кинжалам просматривал собрание П.С. Уваровой в ГИМе, где и обнаружил недостающую часть рукояти с перекрестием от одного из мечей (большого) из Кумбулты. По утверждению А.И. Тереножкина, найденный фрагмент был опубликован П.С. Уваровой в МАКе, в таблице LXXXII, однако на самом деле в этом издании его изображение отсутствует.

В итоге, в работе А.И. Тереножкина были опубликованы и меч из Кумбулты в восстановленном автором виде, и меч из Фаскау, со ссылкой на работу Е.И. Крупнова. Следует отметить, что линия излома рукояти меча из Кумбулты на рисунке воспроизведена не совсем точно – в уваровской публикации длина бронзового стержня с одной стороны значительно превышает остатки железного черенка, на рисунке же в статье А.И. Тереножкина бронзовый стержень с указанной стороны заканчивается на уровне железного черенка.

Во всех последующих работах, содержащих рисунки этих мечей, была представлена и находка из Кумбулты, в реставрированном А.И. Тереножкиным виде, и обломок меча из Фаскау – Б.А. Шрамко [1984], А.М. Новичихин [1990], А.Н. Ворошилов [2006], причем во всех работах линия излома меча имеет указанную выше погрешность. В цепочке последующих публикаций определенных метаморфоз претерпел и меч из Фаскау – у А.И. Тереножкина сердцевидное перекрестие меча получило более округлые формы, у Б.А. Шрамко железный черенок ошибочно изображен обрамленным бронзовыми стержнями с обеих сторон, в результате чего рукоять оказалась смещенной в одну из сторон от центральной оси перекрестья, у А.М. Новичихина меч изображен с классическим почковидным перекрестьем, у А.Н. Ворошилова - с перекрестьем округлой формы и нечетким рисунком рамчатой рукояти.

Между тем, достаточно даже беглого взгляда на изображения мечей в первопубликациях П.С. Уваровой и Е.И. Крупнова, чтобы убедиться в очевидном – это две части одного меча, и именно фрагмент «меча из Фаскау» был использован А.И. Тереножкиным для частичной реконструкции одного из «мечей из Кумбулты». Это наглядно демонстрирует абсолютно полное совпадение двух фрагментов в месте излома, имеющего довольно сложную конфигурацию (извилистый контур железного черенка, бронзовые стержни, сломанные на разных уровнях). Таким образом, можно констатировать существование своеобразного источниковедческого курьеза, в результате которого один и тот же артефакт получил двойной паспорт – в качестве нижней части рукояти меча из Кумбулты и в качестве самостоятельного фрагмента меча из Фаскау.

Ответ на вопрос, почему два фрагмента одного меча у разных исследователей получили различные привязки, требует отдельного специального исследования. Несомненным представляется то, что одну из находок необходимо «вывести» из научного оборота, тем самым уменьшив выборку биметаллических мечей из территории Кубано-Кавказского региона на один пункт, что, впрочем, не отражается ни на степени ее представительности, ни на достигнутых ранее выводах относительно происхождения и развития скифского клинкового оружия.

**Багаев М.Х., Мамаев Х.М.
(г. Грозный)**

Г ерменчукское городище в Чечне (вопросы хронологии)

Памятник расположен на восточной окраине одноименного селения в Шатинском районе ЧР на правом берегу р. Басс (в среднем и нижнем течении известной под названием р. Джалки) и представляет собой холм высотой 9-10 м с плоской вершиной размерами 87 х 55 м, вытянутой по линии В-З и пологим въездом в южной части (Багаев, 1970; Арсанукаев, 2002).

Городище было впервые отмечено А.А. Бобринским в 1888 г., позднее неоднократно обследовалось М.П. Севостьяновым (1950, 1956 гг.), В.Б. Виноградовым (1963 г.) и М.Х. Багаевым (1966 г.) (Севостьянов, 1956; Виноградов, Марковин, 1966; Багаев 1968). В специальную литературу памятник сначала вошел как раннесредневековый (Виноградов, Марковин, 1966), затем его верхний слой был отнесен к золотоордынскому времени (Багаев, 1968). Позднее появилась и другая дата – IX-X вв. (Багаев, 1970; Арсанукаев, 2002).

В 1982 г. М.Х. Багаев заложил на склоне в северо-восточной части городища раскоп размерами 8 х 4 м с целью поиска оборонительной стены, однако остатков каких-либо сооружений и конструкций здесь обнаружено не было, если не считать таковой булыжную мостовую (?) на глубине 0,6 м, частично выявленную в восточной части раскопа. Кроме того, были найдены многочисленные фрагменты керамики, остеологические материалы, обломки жерновов, зернотерок, датированные V-XIII вв. (Багаев, 1984).

Сегодня анализ сохранившихся сведений полевого отчета (сами материалы утрачены) позволяет представить в целом следующую картину.

В раскопе, площадь которого при достижении глубины 4,6 м превысила 50 кв.м (за счет увеличения длины по склону), помимо указанных выше находок были зафиксированы также обломки обожженного турлука, глиняной обмазки, остеологические материалы, а также большое количество древесных углей, заметно увеличившееся с уровня 6 штыка, что в месте с наличием многочисленных остеологических остатков вызвало предположение о сугубо «мусорном» характере слоя здесь - свалка на краю городища.